

СТАЛИНИАНА

ИВАН ЧИГИРИН

СПЕЦОПЕРАЦИЯ «ДОЧЬ»

СВЕТЛАНА СТАЛИНА

Сталиниана

Иван Чигирин

**Спецоперация «Дочь».
Светлана Сталина**

«ВЕЧЕ»

2019

Чигирин И. И.

Спецоперация «Дочь». Светлана Сталина / И. И. Чигирин —
«ВЕЧЕ», 2019 — (Сталиниана)

ISBN 978-5-4484-8129-1

Предлагаемое читателям историко-биографическое исследование необычно тем, что оно основано не только на подлинных письмах дочери Сталина, но и на фактах, которые сыграли роковую роль в гибели СССР. Прочтение вместе с автором книги писем и других не менее интересных малоизвестных документов позволит по-иному взглянуть на причины трагедии нашей страны, а также на жизнь Светланы Сталиной, в которой переплелись личная драма и приметы великой эпохи.

ISBN 978-5-4484-8129-1

© Чигирин И. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Эпоха и судьба	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Чигирин

Спецоперация «Дочь». Светлана Сталина

© Чигирин И.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела
Много в жизни я встретила зла
Много чувств я истратила даром,
Много жертв невпопад принесла.

Шла я вновь после каждой ошибки
Забывая жестокий урок,
Безоружно в житейские сшибки:
Веры в слезы, в слова и в улыбки
Вырвать ум мой из сердца не мог.

И душою, судьбе непокорной
Средь невзгод, одолевших меня,
Убежденье в устах сохраняя,
Как игрок ожидала упорный
День за днем я счастливого дня.

Слепо клад я бросала за кладом, —
И стою, проигравшись в пух.
И счастливы, сидящие рядом,
Смотрят жадным, язвительным взглядом —
Изменяет ли твердый мне дух?..

Каролина Павлова
(1807–1893)

Эпоха и судьба

Жизнь каждого уникальна, но не каждый рождается прямым потомком великого человека, образ которого со временем не стирается, а обретает всё более зримые и правдивые черты. История нашей страны знает немало выдающихся личностей, оставивших о себе добрую или иную славу, но во главе России ни до, ни после И.В. Сталина не было правителя, при котором страна стала могучей сверхдержавой, а русский человек достиг своих высших вершин. (Под русскими людьми я понимаю всех граждан некогда единой страны.)

О преимуществах социалистического строя подробно говорить нет смысла, даже слепому видны успехи убитого СССР. Среди них – победа в жесточайшей за всю историю Земли войне, первый советский человек в космосе, бесплатная медицина, жильё, образование, отсутствие безработицы, кризисов и... человеческое отношение людей друг к другу.

Выражение «человек человеку – друг, товарищ и брат» было не постановлением очередного съезда, а одним из главных моральных принципов и достижений, а также основным стержнем советской эпохи. В СССР не было причин, порождающих рознь и вражду между людьми, потому что не было частной собственности, эксплуатации человека человеком и антагонистических классов. Все советские люди были равны перед законом, имели равные, одинаковые права, закреплённые в Конституции страны.

По характеру своей работы геологом мне довелось побывать в самых дальних областях и разных республиках тогда необъятной страны. Это были: Кольский полуостров, Магадан, Дальний Восток, Кузнецкий угольный бассейн, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и другие, менее звучные и известные места. И нигде мне не случилось видеть даже следов национальной розни и ненависти.

Всё познаётся в сравнении. Сегодня, при диком бандитском капитализме, в России разумным людям ясно видны преимущества социалистического способа ведения хозяйства, при котором все результаты труда, за исключением отчислений на социальные и государственные нужды, доставались самому трудящемуся. Это была не призрачная утопия Сен-Симона, а реальная, достойная жизнь сотен миллионов людей, которые поддержали идею социалистического развития общества. Такой единственный за всю Историю опыт вряд ли ею будет забыт.

Несмотря на то что выгода работы на себя, а не на частного собственника очевидна, вокруг этой простой истины веками кипят споры, полыхают революции и грохочут войны из-за того, что ненасытный капитал алчет богатства во все времена. Это происходит и сегодня, когда, по подсчётам учёных, при современных технологиях Земля может прокормить и сделать вполне сносной жизнь всех своих обитателей. Про целомудренную Русь, у которой есть душа, золото, нефть, газ, просторы и много ещё чего для безбедной жизни и, главное, толковые, работающие мужчины и замечательные женщины, говорить не приходится.

Многочисленные спекуляции о том, что СССР развалился сам – мягко говоря, от лукавого. Антанта рвала Россию на куски и валила – не развалила. Гитлер вместе с «цивилизованной» Европой, учинив страшнейший геноцид советского народа, валили – не развалили. И тут Советский Союз, будучи второй державой мира, проголосовав большинством за своё единство, видать, от нечего делать взял да развалился? Нет. Социалистический строй доказал свою жизнеспособность. Только Запад вместе с заботливо взращённой «пятой колонной», которая изнутри разрушала фундамент государства и размывала его моральные устои, сумел победить в холодной войне и сокрушить Советский Союз.

Цель этой работы – через судьбу Светланы, с которой мне довелось общаться, хотя бы в первом приближении рассказать о том, что происходило с нашей страной после смерти И.В. Сталина. Отдельная роль в планетарной драме гибели СССР выпала на долю главной героини

настоящего повествования. По-моему, в её непростой судьбе, как в капле слезы, отразилась трагедия нашей Родины.

Операция специальных служб для дискредитации её отца и дела его жизни – построения социализма в Советском Союзе – была направлена на обеспечение «бегства из коммунистического кошмара» Светланы. В её судьбе, как в капле слезы, отразилась трагедия нашей Родины.

Решение о написании книги с письмами С. Сталиной было принято несколько лет назад, но не хватало главного – её согласия на их публикацию. Искусно применённый Светланой фамильный опыт революционеров-подпольщиков после её окончательного отъезда из СССР в 1986 году не позволил повидаться с ней – многочисленные попытки узнать её точное местонахождение и адрес оказались безуспешными.

Смерть Светланы в ноябре 2011 года лишила надежды на встречу.

Сейчас, когда среди живых нет ни автора писем, ни людей, которым они были адресованы, держать такие документы втуне не только неразумно, но и безответственно перед теми, кому небезразлична история своей страны.

Чтение предлагаемых вашему вниманию писем и познание неизвестных фактов складываются в новую, теперь наполненную логикой и смыслом картину, а открытие нового для себя открывает новое и в нас самих.

Глава первая

История жизни

Светлана родилась, когда первому государству новой эры ещё не исполнилось и десяти лет, а ушла из жизни, когда её Родина, погружаясь в пучину бедствий, стала с надеждой оглядываться в сторону погасшей зари.

Несмотря на то что детские годы и юность были описаны многими авторами и самой Светланой, остановимся на отношении родителей к дочери.

Её мать Надежда Сергеевна Аллилуева, на которой Сталин женился в 1918 году, была к дочери строга и воспитывала её в почти пуританских правилах (*puritas* – чистота).

Вот что говорила сама Светлана:

«Когда я была ребенком, я обожала маму, просто обожала. Мама – это было всё: дом, семья. Теперь-то я понимаю, что детьми она занималась немного. Её больше заботило наше воспитание и образование, потому что и сама всю жизнь стремилась к этому. Мое детство с мамой продолжалось всего шесть с половиной лет, но за это время я уже писала и читала по-русски и по-немецки, рисовала, лепила, писала нотные диктанты. Мама добывала где-то для меня и моего брата хороших воспитателей... Это была целая образовательная машина, которая крутилась, запущенная маминой рукой, – самой же мамы никогда не было дома возле нас. В то время, как я сейчас понимаю, женщине, да еще партийной, неприлично было проводить время около детей. Это считалось мещанством. Тётушки говорили мне, что она была “строгой”, “серьёзной” не по годам, – она и выглядела старше своих 30 лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не позволяла себе распускаться...»

Я помню свой последний (при маме) день рождения в феврале 1932 года, когда мне исполнилось 6 лет. Его справляли на квартире в Кремле – было полно детей. Ставили детский концерт: немецкие и русские стихи, куплеты про ударников и двурушников, украинский гопак в национальных костюмах, сделанных нами же из марли и цветной бумаги. Артем Сергеев (приёмный сын Сталина. – *Авт.*), накрытый ковром из медвежьей шкуры и стоя на четвереньках, изображал медведя, а кто-то читал басню Крылова. Публика визжала от восторга. По стенам были развешены наши детские стенгазеты и рисунки. А потом вся орава – и дети, и родители – отправились в столовую. Отец тоже принимал участие в празднике. Все это врезалось в память навсегда».

Сталин был очень привязан к дочери, сильно любил её.

«Но его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду, – писала Светлана в своей книге «Двадцать писем другу». – Он мало с кем был так нежен, как со мной, – должно быть, когда-то он очень любил маму».

«Здравствуй, моя воробушка! Не обижайся на меня, что не сразу ответил. Я был очень занят. Я жив, здоров, чувствую себя хорошо. Целую мою воробушку крепко-накрепко».

«Милая Сетанка! Получил твое письмо от 25/IX. Спасибо тебе, что папочку не забываешь. Я живу неплохо, здоров, но скучаю без тебя. Гранаты и персики получила? Пришлю ещё, если прикажешь. Скажи Васе, чтобы он тоже писал мне письма. Ну, до свидания. Целую крепко. Твой папочка».

«За письмо спасибо, моя Сетаночка. Посылаю персики, пятьдесят штук тебе, пятьдесят – Васе. Если ещё нужно тебе персиков и других фруктов, напиши, пришлю. Целую»

«Хозяюшка! Получил твоё письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись. Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяйюшка. Целую тебя крепко»

«Сетанка и Вася! Посылаю вам сласти, присланные на днях мамой из Тифлиса, вашей бабушкой. Делите их пополам, да без драчки. Угощайте кого вздумаете».

«Здравствуй, хозяйюшка! Посылаю тебе гранаты, мандарины и засахаренные фрукты. Ешь – веселись, моя хозяйюшка! Васе ничего не посылаю, так как он все еще плохо учится и кормит меня обещаниями. Объясни ему, что я не верю в словесные обещания и поверю Васе только тогда, когда он на деле начнет учиться хотя бы на «хорошо». Докладываю тебе, товарищ хозяйка, что был я в Тифлисе на один день, побывал у мамы и передал ей от тебя и Васи поклон. Она более или менее здорова и крепко целует вас обоих. Ну, пока все. Целую. Скоро увидимся»

«Здравствуй, моя хозяйюшка! Письмо получил. Спасибо! Я здоров, живу хорошо, Вася хворал ангиной, но теперь здоров. Поеду ли на юг? Я бы поехал, но без твоего приказа не смею трогаться с места. Бываю часто в Липках. Здесь жарко. Как у тебя в Крыму? Целую мою воробушку».

«Здравствуй, моя воробушка! Письмо получил, за рыбу спасибо. Только прошу тебя, хозяйюшка, больше не посылать мне рыбы. Если тебе так нравится в Крыму, можешь остаться в Мухлатке всё лето. Целую тебя крепко. Твой папочка».

«Моей хозяйке-Сетанке – привет! Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, – терплю. Целую мою хозяйюшку».

В тон его юмору я писала ему «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г.

Тов. И.В. Сталину, секретарю № 1.

Приказ № 4: Приказываю тебе взять меня с собой.

Подпись: Сетанка-хозяйка.

Печать.

Подпись секретаря № 1: Покоряюсь. И. Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила. Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово» – 10 мая 1934 года.

Или: «Приказываю тебе повести меня с собой в театр» – 15 апреля 1934 года.

Или: «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» – 28 октября 1934 года.

Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно, – моими «секретарями» или «секретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны».

Потом была война, первое увлечение Светланы (о нём пойдёт речь ниже), замужества, рождение детей.

Обычное течение жизни было прервано 5 марта 1953 года убийством её отца. Эта дата стала границей, которая поделила её судьбу, как и судьбы миллионов людей, на две несопоставимые по обилию и содержанию событий части.

Историю жизни Светланы многие авторы излагали негативно, что должно было соответствовать образу «кровавого тирана», созданному в нашей стране и за рубежом за многие годы её отцу И.В. Сталину: «Яблочко от яблоньки недалеко падает». Все, без исключения, публикации, книги и телепередачи о Светлане Иосифовне Сталиной, которые были изданы или вышли на экран после её отъезда в 1966 году на Запад, а также после короткого пребывания в СССР в 1985–1986 годах, носили весьма однобокий характер и представляли её не как самостоятельную неординарную личность, а только как дочь великого отца. Она изображалась то взбалмошной кремлёвской принцессой, то женщиной лёгкого поведения, то жестокой матерью, бросившей своих детей ради роскошной жизни на Западе и миллионов, которые якобы оставил ей отец в швейцарских банках.

В этой книге речь пойдёт о Светлане – женщине, матери и человеке, о самостоятельной и независимой личности, о писателе и мыслителе. Одно дело – описание баталий, переломных ситуаций или народных движений, и совсем другое – жизнь Светланы, оказавшейся в эпицентре холодной (психологической и информационной) войны двух миров – СССР и Запада.

В любой версии её жизни были события, которые, оставаясь за кадром, плодили домыслы. Многие слышали о написанных ею книгах, браках, переездах, но – ничего о мотивах её поступков, ничего о душевных муках, имевших вполне естественные причины. Теперь об этом расскажет она сама в чудом сохранившихся письмах, написанных ею в 1952–1954-м и в 1985–1986 годах. О том, как они попали к автору книги, читатель узнает позже.

Новые знания заполняют пробелы, которые остались в её четырёх автобиографических книгах: «Двадцать писем другу», написанной Светланой на подмосковной даче в Жуковке, «Только один год», рассказывающей о знакомстве со «свободным миром», «Далёкая музыка» о жизни в Америке в 1968–1982 годах и «Книге для внушек», написанной в 1986–1988 годах.

В важнейших событиях второй половины XX столетия как в зеркале отражены изменение фамилий Светланы на протяжении всей её жизни: Сталина – Аллилуева – Питерс – Аллилуева – Питерс.

Светлана Сталина. Это – рождение и жизнь при социализме.

Светлана Аллилуева – это XX съезд КПСС.

Лана Питерс – это жизнь в «свободном мире».

Светлана Аллилуева – недолгое возвращение в СССР и смерть на чужбине.

Вот что она написала в Заявлении, сделанном в посольстве США в Индии 6 марта 1967 года¹:

«Я родилась в Москве 28 февраля 1926 года. Мои родители – И.В. Сталин и Н.С. Аллилуева. Моя мать умерла в ноябре 1932 года, и, только достигнув шестнадцати лет, я узнала, что она покончила с собою. Она была на двадцать два года моложе моего отца, который хорошо знал её родителей ещё с 1890-х годов: её родители были также вовлечены в социал-демократическое движение. Мои отец и мать поженились после Октябрьской революции.

Моя мать была второй женой моего отца. Первой женой его была Екатерина Сванидзе, грузинка, умершая вскоре после того, как родился их сын Яков. Хотя Яков был намного старше меня, он был моим другом, намного более, чем мой брат Василий.

В 1943 году я окончила десятилетку в Москве и в том же году поступила в Московский университет. В 1949 году я окончила университет по специальности “Новейшая история”.

---

¹ Цитирую по: Аллилуева Светлана. Далёкая музыка. М., 1992. С. 259–264 (подлинник на англ. яз.).

Ещё студенткой я вышла замуж за студента Григория Морозова. В 1945 году родился наш сын Иосиф. Мой муж был студентом Института международных отношений. Мы разошлись в 1947 году, и мой сын остался со мной. Профессор Г.И. Морозов занимается сейчас международным правом и недавно выпустил свою книгу об Организации Объединённых Наций, известную в Америке. Он часто ездит за границу на встречи со своими коллегами в Канаде, Париже, Варшаве. Мой отец не одобрял нашего брака и ни разу не встретился с моим мужем, так как Г. Морозов – еврей. Но он никогда не настаивал на нашем разводе.

В 1949 году я вышла замуж второй раз, за Юрия Жданова, сына А.А. Жданова. Мой отец хотел этого брака, так как он любил Ждановых. Но брак этот был несчастлив, и, хотя в 1950 году родилась наша дочь Катя, мы вскоре разошлись.

С тех пор я жила одна с моими двумя детьми. Я занималась историей русской литературы, а позже начала делать переводы для издательств. Некоторые из моих переводов были изданы в Москве: глава в книге А. Ротштейна (Лондон) “Мюнхенский заговор”, глава в книге Джона Льюиса (Лондон) “Человек и эволюция”. Я также писала внутренние рецензии для Издательства детской литературы в Москве на переводы с английского языка.

Смерть моего отца в марте 1953 года мало что изменила в моей жизни. Я давно уже жила отдельно от него, и моя жизнь была простой, такой она оставалась и после его смерти. Мой отец прожил последние двадцать лет на своей даче возле Кунцево под Москвой.

Мой старший брат Яков, находясь в действующей армии в Белоруссии, был захвачен в плен в августе 1941 года. Когда мой отец был в Берлине на Потсдамской конференции 1945 года, ему сказали, что немцы расстреляли Якова незадолго до того, как лагерь был освобождён американскими войсками. Один бельгийский офицер прислал моему отцу письмо о том, что он был свидетелем гибели Якова. Позже, через несколько лет, о том же факте сообщалось в статье одного шотландского офицера в английском журнале. Но семья Якова так и не получила официального известия о его гибели из его военной части, и поэтому его вдова, дочь и я часто думаем, что, возможно, он всё ещё жив где-нибудь: так много советских военнопленных всё ещё остаются в разных странах мира.

Мой брат Василий был лётчиком, после окончания войны он стал генералом и командующим авиацией Московского военного округа. После смерти нашего отца он оставил армию и вскоре был арестован. Он говорил всем, что “отца убили соперники”, и поэтому правительство решило его изолировать. Он оставался в тюрьме до 1961 года, когда его, совершенно больного, освободил Хрущёв. Вскоре он умер. Причиной его смерти был алкоголизм, совершенно подорвавший его здоровье, и, конечно, семь лет тюрьмы. Но многие до сих пор не верят, что он умер, и часто спрашивают меня: “Правда ли, что он в Китае?..”

Фактически у меня нет сейчас никаких близких родственников, кроме моих детей – Иосифа и Екатерины.

Теперь об Индии. В 1963 году, находясь в больнице в Кунцево, я встретила с коммунистом из Индии по имени Баджеш Сингх, приехавшим в Москву на лечение по приглашению КПСС. Такие приглашения рассылаются каждый год всем компартиям мира.

Сингх принадлежал к старому аристократическому роду Индии. Его племянник Динеш Сингх сегодня является министром иностранных дел. Баджеш Сингх вступил в Коммунистическую партию в начале 30-х годов в Европе. Он подолгу жил тогда в Англии, Германии, Франции и стал близким другом и соратником М.Н. Роя². Он был европейски образованным человеком, а также хорошо знал классическую Индию.

В 1963 году, после нашей встречи, он уехал в Индию, чтобы вернуться в Москву в 1965 году в качестве переводчика издательства “Прогресс”. С этого времени он жил в нашем

---

² М.Н. Рой – Манабендра Нат Рой, индийский революционер, основатель Коммунистической партии Индии в эмиграции. Член Исполкома Коминтерна.

доме, и мы планировали пожениться. Мы также планировали путешествовать вместе и поехать в Индию через три года, когда истечёт срок его контракта с издательством "Прогресс". Но советское правительство и лично премьер Косыгин были против этого брака. Хотя закон СССР сейчас не воспрещает браки с иностранцами, мне этого не могли позволить. Нам не разрешили зарегистрировать наш брак, так как правительство полагало, что тогда я уеду из СССР навсегда.

Браджей Сингх оставался в Москве полтора года, живя у нас. Мы все, включая детей, полюбили его. Но все эти запреты и препятствия потрясли его. Он был слабого здоровья (много лет страдал от астмы), и в Москве ему становилось всё хуже и хуже. 31 октября 1966 года он умер. Я считала своей обязанностью привезти его прах в Индию, для погребения в Ганг.

Для этой печальной миссии мне нужно было специальное разрешение премьера Косыгина. Он дал таковое, но лишь на две недели. Однако мне удалось задержаться дольше, так как в Индии я встретила друзей и родственников Сингха и начала думать о том, чтобы остаться в Индии. Но я встретила препятствия: ни советское правительство, ни правительство Индии не разрешили бы мне этого. Я должна сказать, что были и другие причины, почему я не желала возвращаться в СССР.

С детства всех нас – моё поколение – обучали коммунизму, и мы верили в него. Но постепенно, приобретая жизненный опыт, я стала думать иначе. Годы хрущёвского либерализма, XX съезд партии многое открыли нам всем. Мы начали самостоятельно думать, дискутировать, спорить и уже не были, как автоматы, преданы всему тому, чему нас учили.

Кроме того, большую роль в моей жизни сыграл поворот к религии. Я выросла в семье, где никогда не говорили о Боге. Но став взрослой, я поняла, что без Бога в сердце невозможно существовать. Я пришла к этому сама, без чьей-либо помощи или проповеди. Но в этом был громадный сдвиг, потому что с этого момента все основные догматы коммунизма потеряли для меня всякую силу.

Я верю в силу интеллекта повсюду в мире, в любой стране. Я верю, что дом может быть где угодно. Мир слишком мал, человечество – это капля во Вселенной. Вместо борьбы и ненужного кровопролития человечество должно работать вместе для всеобщего прогресса. Это единственное, что для меня имеет серьёзное значение: работа учителей, учёных, образованных священников, врачей, адвокатов – их совместная работа повсюду на земле, независимо от государства и границ, независимо от партий и идеологии. Для меня не существуют капиталисты или коммунисты, а только лишь хорошие люди и плохие, честные или бесчестные. И где бы они ни жили, повсюду на земле люди одинаковы, их важнейшие нужды и требования идентичны, как и их основная мораль. Мой отец был грузином, мать была смешанной национальности, и, хотя я выросла в Москве, я верю, что дом может быть где угодно. Правда, я с молодости полюбила Индию, возможно, оттого, что учение Махатмы Ганди более соответствует моим понятиям, нежели коммунизм.

Я надеюсь, что когда-нибудь я смогу приехать опять в Индию и оставаться здесь навсегда.

Мои сын и дочь остаются в Москве, и я понимаю, что, возможно, я не увижу их долгие годы. Но я знаю, что они поймут меня. Они тоже принадлежат к новому поколению в нашей стране, которое не одурачить старыми идеями. Они сделают свои собственные выводы о жизни. Да поможет им в этом Бог. Я знаю, они не отвергнут меня, и придёт день, когда мы встретимся: я буду ждать этого.

6 марта 1967 г. Дели».

С учётом места и обстоятельств написания этого Заявления, его разбирать не будем. Для американцев тогда оно вполне сгодилось, тем более что было ожидаемым и на повешенную им

на уши антикоммунистическую лапшу внимания не обратили, произошло главное – «побег» удался! Об этом событии речь впереди.

Художественно-документальные версии биографии Светланы были представлены в книгах, кинофильмах и телепередачах, которые с большей или меньшей степенью достоверности отражали сведения, содержащиеся в приведённом Заявлении.

Понятно, что многие события остались за рамками этого документа. В частности, первая любовь Светланы. Именно это быстротечное девичье чувство стало пагубным для прежде безоблачных взаимоотношений с отцом.

Стало общепринятым считать, что первую любовь Светланы с писателем и сценаристом евреем Каплером загубил Сталин из-за своего антисемитизма, ненависти к людям этой национальности. О сталинском антисемитизме поговорим позже, а сначала узнаем о том, как Каплер появился в жизни Светланы.

Друзья-киношники привлекли Алексея Яковлевича к написанию сценария кинофильма о Василии Сталине. 8 ноября 1942 года лёгчики, артисты, кинооператоры, писатели и среди них Каплер собрались на даче в Зубалово для обсуждения будущего фильма и приятного времяпровождения. Там и произошла встреча Светланы и Каплера. Во время шумного застолья Каплер пригласил Светлану на фокстрот. Она робела, но он заверил, что Светлана «танцует очень легко».

Юная десятиклассница влюбилась в 42-летнего киносценариста Алексея Каплера. Ей было шестнадцать лет.

Новую знакомую Каплер поджидал у школы, провожал до дома, водил на закрытые кинопросмотры в управление кинематографии и в Третьяковку, часами говорил с ней по телефону... Для того чтобы никто не догадывался, с кем она ведёт долгие разговоры, Светлана называла своего собеседника «Люся». Под этим женским именем Каплер был известен в кругах московской «богемы». У домашних создавалось впечатление, что болтают две подружки.

«Мне стало так тепло и спокойно с ним рядом! – объясняла потом Светлана. – Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку, мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза... Нас тянуло друг к другу неудержимо. Люся был для меня самым умным, самым добрым и прекрасным человеком. От него шёл свет и очарование знаний».

В Сталинграде, куда он был направлен военным корреспондентом, Каплер задумал напечатать в «Правде» под видом писем любимой серию статей. 14 декабря 1942 года в «Правде» было напечатано Письмо первое лейтенанта Л. (Люси) из Сталинграда.

Первое (и последнее) письмо начиналось так:

«Моя любимая, кто знает – дойдёт ли до тебя это письмо. Ему предстоит очень сложный путь. Я буду всё-таки надеяться, что это письмо дойдёт до тебя, что оно пронесёт под огнём врага через Волгу, через степи, сквозь выюгу и бураны в милую нашу Москву мою нежность к тебе, родная.

Сегодня выпал снег. В Сталинграде зима. Небо опустилось и стало низким, как потолок в избе. Хмурая, холодная погода особенно остра в такой день. Думается о близком человеке. Как ты живёшь сейчас? Помнишь ли Замоскворечье? Наши свидания в Третьяковской галерее. Как закрывался музей, и сторож гнал нас, звеня колокольчиком, и как мы не могли припомнить, перед какой картиной просидели весь день. Потому, что мы смотрели в глаза друг другу. До сих пор я так и не знаю об этой картине ничего, кроме того, что было очень хорошо сидеть перед ней и спасибо художнику на этом. Я буду, как только появится свободная минутка, писать тебе».

Дальше шло длинное описание короткой жизни мальчика, который при бомбёжке Сталинграда потерял родителей, прибил к части и погиб в бою. Письмо заканчивалось прямым указанием местонахождения адресата:

«Любимая, я буду писать тебе, и буду ждать твоих писем. Если бы ты знала, как нужны они здесь! Скоро вечер. И в Москве тоже вечер. Из твоих окон видна зубчатая стена Кремля и над ней небо Москвы. Может быть, у вас там тоже сейчас падает снег. Твой Л.»

Сталину и начальнику его охраны Власику не нужно было вычислять, из чьих окон и кому видна зубчатая стена Кремля. К тому же «дядька», всегда сопровождавший Светлану охранник, фиксировал маршруты и время её прогулок с Каплером, включая поход в Третьяковку.

Следующий шаг, который, по мнению Каплера, должен был сблизить «влюблённых» – доверительная передача Светлане иностранных журналов, один из которых (за 1932 год) был со статьёй о том, что её мать Надежда Сергеевна Аллилуева застрелилась, а не умерла от аппендицита, как это раньше говорили девочке. В этих журналах не могла не быть расписана весьма ходкая тогда ложь о том, что жену убил Сталин. Это открытие было не только сильнейшим ударом по ещё не устоявшейся подростковой психике Светланы, но и миной под авторитет отца.

«В ту зиму обрушилось на меня страшное открытие. Я читала английские и американские журналы просто из интереса к информации и к языку – “Life”, “Fortune”, “The Illustrated London News”. И вдруг наткнулась на статью об отце, где, как давно известный факт упоминалось, что “жена его, Надежда Сергеевна Аллилуева покончила с собой в ночь на 9 ноября 1932 года”. Я была потрясена, я не верила своим глазам, но ужасно, что я верила этому сердцем...

С тех пор мне не было покоя. Я вспоминала то, что могла помнить. Я думала об отце, о его характере, о том как в самом деле трудно с ним; я искала причин, но никто не хотел мне толком объяснить...

...Что-то рухнуло во мне самой и в моём беспрекословном подчинении воле, слову и мнениям отца...»³

Как после этого девочка должна была относиться к отцу? Вот в ней и рухнуло «что-то». И не просто «что-то», а вера, уважение и любовь к прежде обожаемому родителю.

Возникает вопрос, почему именно эти журналы ей передал Каплер? Неужели для удовлетворения интереса Светланы к языку не нашлось других, без страшной для 16-летней девушки новости о такой смерти матери? По-моему, как преднамеренное вредительство эти действия Каплера оценивать нельзя. К тому же журналы Каплер получил, как это принято считать, не от своих американских и английских коллег, аккредитованных в то время в СССР, а взял в московской Библиотеке иностранной литературы, что говорит о целевом намерении дать Светлане именно такую информацию о смерти её матери. Это был очень умный и дальнобойный ход тех, кто стоял за ним, – рассорить отца и дочь, которую Сталин безмерно любил. Теперь, зная судьбу Светланы после смерти отца, можно с полной уверенностью утверждать, что именно с этой истории с журналами началось её обращение в антисталинизм, который привёл Светлану к разительным переменам в её жизни. О них мы поговорим позже. Но об этом случае заметку оставим.

Прочитав «Правду» с письмами «лейтенанта Л. из Сталинграда», Сталин не предпринимал никаких действий. Но по прибытии Каплера в Москву его встречи со Светланой продолжились. Тогда Каплеру позвонил заместитель начальника охраны Сталина полковник Румянцев и предложил уехать куда-нибудь в командировку «подальше». Каплер не внял совету.

Через день его арестовали. Причина: связи с иностранцами. Он действительно был знаком со многими иностранными журналистами.

После этого у Сталина с дочерью состоялся крупный разговор.

---

³ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 130, 131.

«Он прошёл своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу комнаты, – писала в своей книге Светлана. – Я никогда ещё не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: “Где, где это всё? – выговорил он, – где все эти письма твоего писателя?”

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово “писатель”... “Мне всё известно! Все твои телефонные разговоры – вот они, здесь! – он похлопал себя рукой по карману. – Ну! Давай сюда! Твой Каплер – английский шпион, он арестован!”

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения – на память о нём.

“А я люблю его!” – сказала, наконец, я, обретя дар речи. “Любишь!” – выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову, и я получила две пощечины – впервые в своей жизни. “Подумайте, няня, до чего она дошла! – Он не мог больше сдерживаться. – Идёт такая война, а она занята!..” – И он произнёс грубые мужицкие слова, других слов он не находил.

“Нет, нет, нет, – повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. – Нет, нет, нет!”

“Как так – нет?! – не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. – Как так нет, я всё знаю! – И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: – Ты бы посмотрела на себя – кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!” И ушёл к себе в столовую, забрав всё, чтобы прочитать своими глазами».

Сталин не ошибался, у Каплера были «кругом бабы». В 1921 году он первый раз женился. Потом жил в гражданском браке ещё с двумя женщинами. Ходили слухи, подтверждающие, что «у него кругом бабы». Когда он волочился за Светланой, у него был ещё один роман. Вероятнее всего, Сталин об этом знал.

«Романтическая» история с Каплером в конечном итоге обернулась против Сталина и против Светланы. Так же, как ровно десятью годами раньше произошедшая трагедия – самоубийство Надежды Аллилуевой, о котором в 1942 году «вдруг» узнала Светлана.

В 1932 году поводом для самоубийства Надежды Сергеевны стала якобы брошенная в неё мужем мандариновая корка за столом и обращение «Эй, ты!» во время празднования годовщины Октябрьской революции. После этого она покинула празднество.

До замужества Надежда воспитывалась в кругу зиновьевской оппозиции. Позже, в качестве друзей дома в Зубалове у неё бывали Енукидзе и Бухарин, которые оказывали на Аллилуеву сильное влияние, противопоставляя её Сталину. В результате у неё с супругом происходили дискуссии и даже ссоры. Надежда Сергеевна общалась и с некоторыми троцкистами. Когда умер близкий соратник Троцкого дипломат Иоффе, на кладбище в последний путь вместе с другими его провожали Зиновьев, Каменев и Аллилуева. В своей речи над гробом Иоффе Зиновьев клеймил Сталина и называл его предателем Родины.

Обвинение Сталина оппозицией в неправильном политическом курсе страны не могли не оказывать сильнейшего влияния на не совсем уравновешенную психику Надежды Сергеевны и на взаимоотношения супругов. Скорее всего, тяжелейшие головные боли, которые постоянно мучили жену Сталина и стали причиной трагической развязки.

После ухода Аллилуевой с вечера в течение двух часов с ней находилась Полина Жемчужина, жена Вячеслава Михайловича Молотова. О чём они говорили, неизвестно, но известен результат – самоубийство Надежды Сергеевны. После такого времени оно не могло произойти в состоянии аффекта, вызванного конфликтом супругов из-за брошенной корки. Два часа – срок немалый, чтобы человек смог успокоиться (если его успокаивают, а не распалют) и прийти в себя. Если этого не произошло и Надежда Сергеевна пришла домой во взвинченном

состоянии, то его могла спровоцировать только вторичная причина – беседа с Жемчужиной, после которой Аллилуева оставила Сталину письмо.

Как мне рассказывал военный историк А.Н. Колесник, в архиве родной сестры Н.С. Аллилуевой Анны Сергеевны он обнаружил предсмертное письмо Надежды Сергеевны. Вопреки общепринятому мнению, в нём не содержалось никаких политических обвинений, а было оправдание своего решения уйти из жизни из-за ужасных головных болей (как оказалось, у неё было онкологическое заболевание мозга). В письме были также конкретные указания по воспитанию детей, Светланы и Василия.

Удар по сталинской семье, меньший по общественному резонансу, но равный по результату, случился ровно через десять лет после трагедии 1932 года. К известию о самоубийстве мамы добавился первый и последний конфликт, навсегда разрушивший былые отношения с папой. Финал «романа» Светланы и Каплера привёл к пожизненному отчуждению отца и дочери. Это отчуждение встало для Сталина и для Светланы вровень со смертью Надежды Сергеевны. К потере жены у Сталина прибавилась потеря любимой дочери, его светлого утешения, а у Светланы к потере матери – потеря прежде почитаемого отца.

Сталин был очень привязан к дочери, сильно любил её. «Но ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду, – писала Светлана в своей книге “Двадцать писем другу”. – Он мало с кем был так нежен, как со мной, – должно быть, когда-то он очень любил маму».

По большому счёту реакция Сталина на увлечение Светланы была весьма умеренной. Скорее всего, это была естественная мужская ревность к любимой 16-летней дочери, попавшей в сети известного московского ловеласа. С учётом имевшихся у него возможностей и откровенного хамства Каплера (он бросал телефонные трубки на просьбы руководства охраны оставить девочку в покое) Сталин поступил с ним весьма гуманно. Любой другой, «простой» отец при попытке совращения его несовершеннолетней дочери вряд ли обошёлся бы без рукоприкладства или иных крутых мер. Каплер отделался сравнительно легко и на удивление гуманно – высылкой в Воркуту. Причём он работал не за колючей проволокой на руднике с кайлом в руках и не в жуткий мороз на лесоповале, а в тепле режиссёром в местном драматическом театре. Утешился он быстро – только что «пережитый» бурный роман со Светланой не помещал ему (будучи неразведённым) вскоре жениться на актрисе воркутинского театра Валентине Токарской.

Некоторые авторы крушение «романтических отношений» Светланы и Каплера объясняют враждебным отношением Сталина к евреям, его антисемитизмом. Сталин антисемитизм категорически отвергал. Это подтверждается не только его официальными заявлениями, но и наличием в его окружении людей еврейской национальности, а также тем, что он ценил человека за ум и отношение к делу, а не за национальность. Тот же Каплер в 1941 году был удостоен Сталинской премии.

Скорее всего, за ухаживанием за Светланой Каплера Сталин увидел расчёт.

В 1948 году Каплеру разрешили вернуться в Киев, откуда он был родом, однако он своевольно приехал в Москву, после чего получил ещё пять лет с пребыванием в исправительно-трудовом лагере.

Спустя много лет Каплер рассказал своей жене Юлии Друниной о том, что после окончательного возвращения его в Москву в 1953 году Светлана хотела вернуться к прежним отношениям, но он отказался. Ему якобы даже не нравился её запах. После смерти Сталина его дочь Каплеру уже была не нужна. А до этого ему, наверное, нравился запах близости к могущественному тестю. Но зятем стать не получилось.

Говоря об «антисемитизме Сталина», не надо также забывать о том, что во время Второй мировой войны более полумиллиона евреев из стран, оккупированных Гитлером, нашли спасение в СССР. В то же время Америка отказывалась принимать еврейских беженцев, а Англия

отправляла их в резервации Австралии. Так кто же был антисемитом, Сталин или англичане с американцами?

Глава вторая

Письма 1952–1954 гг.

Остановимся на тех периодах жизни, о которых Светлана решила не писать американцам в Дели и которые были бы в приведённом Заявлении совсем не к месту.

В 1952 году она поступила в аспирантуру Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. В процессе учёбы Светлана выступала на семинарах, готовила рефераты, писала статьи и сдавала профильные экзамены. Учёба в Академии завершилась защитой в 1954 году диссертации с присвоением ей учёной степени кандидата филологических наук.

С одним из аспирантов, Виктором Р., у неё завязалась дружба. Сегодня, когда это понятие «дружба между мужчиной и женщиной» ушло в далёкое прошлое, интересен этот реликт, который в советские времена был началом взаимоотношений между людьми противоположного пола.

Аспиранты (Светлане было тогда двадцать шесть лет, её другу – под сорок) помимо совместной учёбы гуляли по Москве, беседовали на литературные и другие темы, катались на лыжах, переписывались, когда случалось разлучаться...

Предлагаемые вашему вниманию письма С.И. Сталиной принадлежат к уже забытому в век цифровых технологий эпистолярному жанру, весьма популярному способу общения между людьми как в XX веке, так и ранее. Сегодня в его классическом понимании он почти не используется и вытеснен электронной связью. Несмотря на то, что она очень удобна своей оперативностью, в ней есть существенный недостаток – такая переписка не оставляет вещественных следов, осязаемых документов, которые имеют не только частное, бытовое значение, но и несут в себе культурно-исторический срез времени и выражают нравственный облик авторов писем.

Перед тем как приступить к чтению писем, немного вспомним об этом, уходящем в прошлое, жанре общения.

Общаясь устно, любой человек вынужден ориентироваться на реакцию собеседника и подстраиваться к восприятию его речи. Если собеседника нет рядом, то возникает проблема: как наиболее доходчиво и связно донести до него то, что хочет сказать автор. Искренние, откровенные письма позволяют решить эту задачу.

В эпоху информационных достижений непосредственное живое общение во многом заменилось общением виртуальным, с отложенной реакцией собеседника, благодаря чему, казалось бы, эпистолярный жанр должен был претерпеть яркий ренессанс. Но этого не случилось. Временем расцвета эпистолярного жанра в Европе можно считать всего пару веков (XVIII и XIX), когда распространение в обществе грамотности и образчиков высокой культуры (одновременно с достаточным развитием почты) позволяло широким слоям населения делиться своими впечатлениями в форме цельных рассказов. Отметим, что эпистолярный жанр был хорошо известен и в эпоху античности, когда наиболее выдающиеся мыслители писали письма своим последователям и ученикам. Например, письма Сенеки вошли в золотой фонд философской мысли человечества. В эпистолярном жанре написаны и многие книги Евангелия. Таким образом, именно с помощью этого жанра реализуются самые сложные и ответственные замыслы авторов.

Умение хорошо писать письма – это характеристика интеллекта и образования человека. Но самое главное, письмо – это рассказ от первого лица, это уже созданный самим человеком исторический документ, не претерпевший никаких дополнительных обработок и искажений. Через письма можно смотреть на вещи глазами самих участников событий, и это делает их наиболее ценными историческими свидетельствами, раскрывающими события прошлого

особенно живо и непредвзято. Поэтому в нашем историко-биографическом исследовании, мы будем опираться на факты, которые зафиксированы автором, а не на домыслы.

Читателю предоставляется возможность самостоятельно сделать выводы, глядя на известные события сквозь призму позиций и представлений самой Светланы. Любая история выглядит совсем по-другому, если на неё взглянуть не глазами любопытствующего обывателя, а внутренним взором самого человека. О духовных и душевных качествах Светланы читатель сможет судить сам после прочтения писем. Они не предназначались для печати и поэтому отражают истинное состояние души и подлинные мысли их автора.

Письма являются историческим источником, характеризующим автора с доселе неизведанной стороны. Знаменитые «Двадцать писем к другу» и другие автобиографические книги Светланы готовились к печати, преследуя конкретные цели иностранных «редакторов», и почти всегда с участием заинтересованных сторон – КГБ и ЦРУ. Западные советологи, историки и политики требовали от Светланы осуждения сталинизма, а не государственных секретов. Как написал бывший помощник члена Политбюро ЦК КПСС Лигачёва В. Легостаев, в 1984 году «в Москве с Аллилуевой в дружеской неформальной обстановке побеседовали компетентные товарищи, которым она пространно поведала много чего интересного о том, как с ней работали западные спецслужбы. Я читал запись этого рассказа. Он впечатляет изобретательностью, с которой спецслужбы США выжимали из бедной искательницы свободы всё, что могло бы принести им хотя бы какую-нибудь политическую выгоду»⁴.

Несмотря на то что Светлана не могла не знать некоторые высшие государственные секреты, безусловно, она вряд ли когда-нибудь ответила на специфические вопросы американцев. Ни в одной из своих книг она ни разу не написала о том, о чём говорить и писать не следует. Это было гарантией жизни её и детей. Обстановку в СССР и в его руководстве она улавливала очень чутко. Например, в написанных ею во время правления Хрущёва «Двадцати письмах к другу» имя Л.П. Берии в самых уничижительных выражениях упоминается 46 раз, а Хрущёва – одного из организаторов убийства её отца и брата – всего 9 раз, причём в самом спокойном если не в доброжелательном тоне. Ещё одним примером может служить фраза в приведённом выше Заявлении, сделанном в посольстве США в Дели, когда она написала о своём брате Василии, что «он оставался в тюрьме до 1961 года, когда его, совершенно больного, освободил Хрущёв». Она не могла не знать и не понимать, что без ведома главы государства, которым был тогда Хрущёв, сына Сталина за решёткой держать не мог никто. Сам посадил, сам освободил. Чтобы Вася в тюрьме не умер. А на «воле» через год – в самый раз.

Именно Хрущёв вскоре после смерти Сталина стал инициатором написания Светланой работы, которая позже получила всемирную известность. Написанные в первом варианте как рассказ о своей семье и её окружении, «Двадцать писем другу», Хрущёву не понравились – ничего плохого о Сталине в них сказано не было. Подробнее об этой рукописи мы поговорим позже, когда в жизни Светланы появится пакистанский след.

Книги, которые принято считать примером предательства дочерью своего отца, стали такими только после того, как были щедро приправлены антисталинским гарниром американскими редакторами. «Мои действия контролировало ЦРУ, которое говорило, что я должна писать и как поступать»⁵.

Представляемые письма личные и, что очень важно, не преследуют никаких политических целей, а излагают только те события, факты и реальные чувства, которые пережил сам их автор. Факты, приводимые Светланой, подтверждаются другими историческими источниками, что говорит о непредвзятом изложении событий. Но, прежде всего, письма интересны тем, что

---

⁴ Легостаев В. Как Горбачёв прорвался во власть. М., 2011.

⁵ Из выступления С.И. Аллилуевой на встрече с советскими и иностранными журналистами в Москве // Правда. 17 ноября 1984.

показывают истинную суть, чувства и переживания Светланы, которых не встретить в известных книгах, отредактированных заокеанскими издателями.

Очень важно, что автор писем – женщина, которая подмечает такие подробности в одежде, манерах и прочем, которые не найти ни в каких источниках и мемуарах (чего стоит, например, описание партийной номенклатуры на отдыхе).

Письма публикуются в хронологическом порядке. Временные рамки написания писем – 1952 и 1986 годы – стали границами периода, в который вместились целая эпоха, ставшая роковой и для Советского Союза, и для Светланы.

Первый блок состоит из пятнадцати писем, открыток и телеграмм, датированных 1952–1954 годами; во второй блок вошли восемь писем, написанных в 1985–1986 годах. На этих подлинных документах можно проследить, как менялось мировоззрение автора под влиянием внешних источников – людей, призванных ЦРУ-КГБ, дискредитируя дочь Сталина, достигнуть главной цели – разрушения СССР. Чтение писем, написанных лёгким, доступным, где-то мастерским языком – занятие интересное и увлекательное.

Орфография и пунктуация автора сохранены. Почтовые конверты и реквизиты соответствуют времени их изготовления и отправления. Письма в 1952–1954 годах написаны на прямоугольных листах разного формата перьевыми ручками чернилами синего и фиолетового цвета. В одном случае текст написан в ученической тетради в линейку и, вероятно, вручён адресату лично или другим способом. Письма пятидесятых годов относятся в основном к тому периоду времени, когда один из адресатов находился на отдыхе. Они, как правило, подписаны «Катя» или другими, только отправителю и получателю писем понятными именами: «Узбечка», «Щука» и т. п.

Письма 1985–1986 годов написаны шариковой ручкой и были отправлены Светланой в Москву из Тбилиси, где она жила вместе с дочерью Ольгой, рождённой в США от брака с американским архитектором В. Питерсом.

Все письма, написанные в восьмидесятых годах, подписаны «Светлана». На конвертах рядом с обратным адресом «380 062 Тбилиси, ГССР, просп. И. Чавчавадзе, д. 75, кв. 5» стоит «С.И.А» – Светлана Иосифовна Аллилуева.

Единственное, что изменено в письмах, это имя Адресата. Не названа и фамилия, чтобы невзначай не обидеть его родственников.

Об Адресате я расскажу позже. Он был весьма неординарной личностью, поэтому неудивительно, что Светлана увлеклась им. Портрет Адресата отражён в её письмах.

Главная цель публикации писем – познакомить читателя с такой Светланой, какой её не знал никто. Или почти никто. С этой же целью в конце книги приложены письма Светланы писателю В. Солоухину, которые она написала в 1961 году. Эпистолярное общение с Солоухиным интересно не как рецензии литературоведа на его произведения, а как взгляд на внутренний мир Светланы.

Чтобы не навязывать своего мнения, я намеренно уклонился от анализа писем, предоставив это делать вам самим. Пояснения об известных мне событиях, а также сведения о людях, о которых идёт речь в письмах, будут даны по ходу чтения в примечаниях.

Авиапочта

Латвийская ССР, Дубалты

До востребования (на штемпеле 23.07.52)

«20 июля

Здравствуйте, Витенька!

Хотела было писать вам перед самым отъездом, когда окончатся московские впечатления, но не выдержала. Скучаю без вас. С нетерпением жду дня, чтобы уехать, а то в Москве как-то не знаешь, чем заняться. С вечера 17-го испортилась погода, всё время идёт дождь,

всё развезло, и даже отменили авиационный праздник. В лесу мокро, серые облака бегут над берёзовой рощей, ни одного солнечного луча в ней, и она погасла, как китайский фонарь. А ромашки прибывает дождём к земле. Вечером сквозь серый туман тускло светится ландышевая аллея, а бронзовая девушка хочет босиком перебежать через лужи. Мокрые перила горбатого мостика поблескивают от голубоватых ламп дневного света. По крылатке Гоголя стекают ручейки воды, и на скамейках никого нет. Грустно в Москве. Говорят, в Гаграх солнечная погода; боюсь только, что с моим приездом она испортится и там, бывает и так...

У Оси⁶ гостит Сережка; приезжали в гости его папа с мамой, и я к ним ездила. Навещала братца⁷, он здоров – как обычно. Вчера была у Арфо⁸, потом она меня затащила в гости к Л. Леонову⁹ в Переделкино – ничего, интересно посидели. Леонов оказался симпатичный, умный, но ломается всё как-то, и всё хочет, чтобы только его слушали. Страшно хочется мне уехать от всего и от всех, лечь на горячие камушки и закрыть глаза, чтобы только море плескалось рядом. Всё-таки моря соединены... Хорошо бы приехать в Гагры и через пару – тройку дней получить письмецо от вас, – да уж не знаю, повезёт ли мне. Ну, гуляйте, купайтесь, и отдыхайте, отдохайте как следует, и не давайте никому мешать вам в этом.

Ваша Катя»¹⁰.

25 июля, 11 ч. у. Авиапочта
Латвийская ССР,
Дубалты
До востребования

«Наконец-то оторвалась от земли, пишу вам прямо с неба! Лечу! Если внимательно рассмотрите открытку¹¹, то увидите что, всё-таки, без земных впечатлений в небесах находиться невозможно (поэтому открытка и была куплена в аэропорту). Но небесность достигнута и обретаена как качество, вы довольны?

Ой, нечем дышать, скорее бы приземлиться! К.»

Латвийская ССР, Дубалты
До востребования
27. VII.52

«Здравствуйте, Витенька, безбожник вы этакий, всё от вас нет письма!

Уже я от Маши Рунт¹² получила письмо из Фороса; хотела дождаться и вашего, но терпенья нет, хочется рассказать вам интересные вещи.

“Небесную” открытку я опустила в Краснодаре, куда нас посадили из-за грозы в Адлере. В Гаграх вот уже 3 дня погода пасмурная, по ночам гремит гром и льёт дождь, а днём иногда проглядывает солнышко. Однако я себя чувствую как в раю, чудесно тут устроилась; народ славный, правда немолодой, есть две девушки, которые безумно скучают. Я их потащила в “17-ый”¹³ играть в волейбол. Вообще тут спокойно, тихо, только и отдыхай и ни о чём не думай – что я и делаю. Тем более, что все проблемы, о которых ещё можно было бы

---

⁶ Сын Светланы Иосиф (1945–2008).

⁷ Василия Сталина (1921–1962).

⁸ Арфо Аветисовна Петросян, жена заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС Белякова.

⁹ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – русский советский писатель.

¹⁰ Для конспирации или по иной причине это и другие письма Светлана подписывала именем своей дочери Кати.

¹¹ На открытке: Москва. Фрунзенская набережная. Лето. По Москве-реке плывут речные трамвайчики.

¹² Рунт Мария Ивановна (1912–1992) – педагог, доцент кафедры русской литературы Куйбышевского педагогического института. Во время Великой Отечественной войны – комиссар 46-го гвардейского Таманского авиационного полка ночных бомбардировщиков, основателем которого была Герой Советского Союза Марина Раскова.

¹³ Санаторий имени XVII партсъезда.

усердно думать, как-то очень здорово разрешились в Москве в последние дни. Смотрите сами: вернусь я обратно к 15 августа (хочу пораньше), и буду перебазироваться в город, вернее что-то подыскивать; вопрос этот решил так, что, наверное, скоро буду звать вас на новоселье. Это первое. А второе – буду свои юридические дела завершать, на что, также получила, наконец, согласие Ю.А. Видите, как мне везёт! Просто удивляюсь, до чего же мне стало везти. Перед самым моим отъездом вышел “Молодой б-к” (ужасно смешно ездили мы со Свинарченко в издат-во получать деньги, я вам расскажу потом), и я его вручила “наверх” – и даже не ожидала, что впечатление будет такое хорошее.

Ну, что ещё? Дети здоровы, я уже скорее хочу к ним вернуться. Хорошо, что Остю я не взяла сюда, здесь один мальчик скучает целыми днями, сидит в гостиной, крутит патефон и играет в домино. Кошмар!

А знаете, я ведь в первый раз вот так совсем одна отдыхаю; и приятно, и свободно, и легко – и вместе с тем грустно, я всё-таки привыкла быть к кому-то привязанной, какими-то узами. “Душечка”, женская душа.

Сегодня купила вам пресмешной подарок, он вам пригодится, и, надеюсь, понравится. Гуляла по парку, по старым Гаграм – как хорошо, магнолии цветут, цикады сверчат, только солнышка всё маловато.

Как и что у вас? Ни черта не знаю, просто вы злодей! (как вы и говорили). В “17-ом” мне очень понравилось, особенно лестница вниз к шоссе, по ней так и скачетя вприпрыжку.

Ужасно мне хочется за те 20 дней, которые я имею, как следует набраться спокойствия и сил, а то впереди осень какая-то опять трудная, не одно так другое; как приедешь в Москву – так будешь в водовороте каком-то.

Витюша, если сможете, то дождитесь меня в Москве (до вашей охоты), я буду 15-го, или обязательно уж 16-го, ладно? А потом поедете, куда вам захочется.

Соскучилась я что-то по бестолковой болтовне. Сегодня у меня тут получилась одна неприятная встреча, и я почувствовала, как мало мне надо, чтобы сразу выйти из берегов. Наверное, поэтому вот и пишу вам, не дождавшись письма; хочется поговорить с друзьями.

Но, в общем хорошего очень и очень много, жаловаться грех.

Завтра к вечеру пошлю вам телеграммку, а подарок уж до Москвы.

Чего пожелать вам в сорок-то лет?

Наверстать всё то прекрасное, красивое, радостное и правильное, чего за сорок лет не успели; пусть ещё будет у вас всё, что может пожелать своему сыну умная и добрая мать. И пусть ещё будет над вами небо в алмазах. Целую вас.

Катя».

В письме речь идёт о разводе со вторым мужем Юрием Андреевичем Ждановым¹⁴. От этого брака в 1950 году родилась дочь Катя. И.В. Сталин дал согласие на переезд Светланы из квартиры в Кремле. Поэтому она пишет о перебазировании в город и приглашении на новоселье. Светлана стала жить в доме № 2 по улице Серафимовича. Этот дом известен как Дом правительства или Дом на набережной.

В июле 1952 года в № 14 журнала «Молодой большевик» за подписью С. Васильевой была напечатана статья Светланы. В архиве¹⁵ сохранился экземпляр с такой надписью: «Дорогому папе – первая работа. Светлана. Июль 1952 г.» Вручила «наверх», то есть отцу. «Васильев» – один из псевдонимов Сталина во время войны; так он подписывал некоторые телеграммы.

¹⁴ Ю.А. Жданов (1919–2006) – сын секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. С 1947 г. в аппарате ЦК, 1957–1988 гг. ректор Ростовского государственного университета, доктор химических наук.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1556. Л. 87.

Вероятно, назвавшись Васильевой, Светлана хотела таким напоминанием сделать отцу приятное и, судя по реакции Сталина, ей это удалось.

Латвийская ССР, Дубалты

До востребования (на штемпеле 11.8.52)

(Открытка с фотографией здания в Гагре. На ступеньках пририсована женская фигурка, в небе – солнце с нахмуренными бровями. Надпись: «*Se moi! Mais – sans vous*». «*Это я! Но – без вас*».)

«Витенька, здравствуйте, голубчик!

Пишу вам в совсем пьяном виде – буквально! Только что пришла из “17-го”, где провожали сегодня двух из АОН¹⁶ – Пашу Семагину, секретаря партбюро кафедры, и Тонию (не знаю фамилии), с кафедры логики и психологии. Я тут с ними всё время была вместе, купались, на лодке катались, показали они мне “17-ый” со всех сторон. Сегодня осушили втроём литровую бутылку Кахетинского, потом пропели десяток песен на соляриш – наверху, рядом с биллиардной, помните, наверное – оттуда чудесно видно все Гагры, – а потом как раз были танцы на площадке, где кино. Отправились туда, “оторвали” все балльные танцы, получилось здорово! Наши девчонки из “Совмина” тоже пошли, развеселились, и все дали обет на следующий год ехать только в “17-ый”, так и культурнику поклялись – он был очень доволен, сплясал с нами русскую.

Вот, пишет вам пьяная баба, даже буквы-то все вкось идут... Ничего, зато без туманов, что на уме, то и на языке!

В “17-ом” я была уже много раз, там чудесно, и всякий раз думаю о вас – кажется, хотя и глупо, вдруг вас увижу, вдруг сейчас пройдёте по коридору, или перед входом, где скамейки вокруг пальмы... Ведь ходили вы там, верно? Давно?.. Когда?.. С кем?.. Веселы были или печальны? Это всё не важно!.. Важно то, что ещё пройдем мы с вами там вместе когда-нибудь, везде-везде, и по набережной, и по чинаровой аллее парка; и под грибом в виде зонтика, который в парке, посидим, – помните, какой странный резонанс там, как эхо; и обязательно выйдем на солярий, посмотрим на море оттуда, и что-нибудь морское пропоем, очень уж хорошо там, прелесть! Да, потом на волейбольной площадке надо сыграть, потом, вечером в кино – тоже чудно, над головой звезды, свежий воздух; а можно там же и потанцевать под аккордеон, скамейки убрать – и, пожалуйста! Видите, как далеко расходуется фантазия под впечатлением только дома, места, где вы бывали, жили, и где вам нравилось.

Ну, так; ладно.

Живу я тут ничего, неплохо. Погода неважная, хочу вернуться домой 10-го. Много у меня там возни разной, займусь ею до начала занятий. Тут славный народ есть, новые знакомства у меня завелись, расскажу вам в Москве. У нас чисто женский монастырь, одни женщины почти что. И все скучают, хотя не показывают виду, – смешно! Надо удирать отсюда.

Впервые мне трудно на юге от жары, чувствую себя, временами, неважно. Слишком душно, так и жаждешь свежего дуновения. Никогда не думала, что смогу на юге скучать по северу – нечто новое появилось в характере. Действительно, надо ездить сюда позже, сейчас страшно жаркое время, просто трудно. Вот вам и южанка!..

Витя, Витя, милый Виктор Сергееч!.. Милый, милый Виктор Сергееч!..

Очень хочу вас видеть; надо вам ещё много-много рассказать, – я тут только сообразила, как много ещё вы не знаете. Ну, жму вашу руку.

Ваша Катя.

1 августа».

---

¹⁶ Академия общественных наук.

Латвийская ССР, Дубалты

До востребования

«6 августа

Страшно обрадовалась я вашему письму, Витенька! Чудесные зайчишки со своими песочными ретретит mobile!¹⁷ Я вижу по “настельным тонам” вашего письма, что вам там очень нравится – и страшно завидую. Ежедневное поджаривание пяток оказалось мучительным для меня в этом году – чёрт знает, старею уже, наверное!.. Об акваплане не может быть и речи, так как меня укачало даже на простой шлюпке, на которой собрались один-единственный раз.

Страшно душно здесь. В теннис или волейбол сыграла по одному разу и отказалась от них – ночью потом задыхалась, как рыба на песке. День проходит главным образом в лежании, чтобы сберечь остаток сил на борьбу с духотой – после завтрака лежу на пляже, как на скорородке; после обеда лежу на балконе, как в духовке; после чая полужелезу вновь на пляже (это единственное время, когда можно дышать) и после ужина вновь укладываюсь на балконе. От такой жизни страшно разжирела, а кроме того, стала как негатив: лицо чёрное, а волосы выщели. Предупреждаю вас нарочно заранее, чтобы вы не шарахнулись от меня при встрече в Москве – это меня огорчило бы... Дом отдыха свой мы окрестили “Пансионатом Небесных Ласточек”, ибо у нас из 22-х человек только 5 мужчин, а в остальной массе преобладают молодые студентки, изнывающие от такого неудачного состава. Тем не менее, мы веселимся, как можем. Ходили на танцы в “17-ый” и в “Украину”, вечером ходим по гагринскому парку, заняв всю ширину аллеи, и горланим песни. Со скамеек несутся реплики: “Женский монастырь на прогулке!”, “Во, женский самодеятельный коллектив идёт!”. Так что мне очень приятно было узнать, что на Балтийском море тоже сохранились ещё монастыри.

Среди отдыхающих тут есть очень симпатичный народ; с одной молодой женщиной я подружилась. Она прокурор, умница, веселая певунья и плясунья, очень красивая по-настоящему, сложена как Афродита – и ещё куча хороших качеств у неё. Вот уже раза три мы с ней вечером распивали по бутылочке “букета Абхазии” или Кахетинского – она знает в этом толк, так что мы сразу нашли пути к сердцу друг друга. Правда, после всего этого уже совсем делается невозможно ни дышать, ни спать. Есть тут ещё хорошие девушки; я стала, к своему удивлению, легко знакомиться с людьми, – вообще, товарищ меняется прямо на глазах, мечтает о севере, чёрт знает что! Правда, о прохладе Подмосковья я мечтаю как об отдыхе, необходимость которого чувствуется всё яснее, отдыхе от слишком яркого блеска воды, слишком тёмной зелени, слишком горячего воздуха, сладкого как сироп. Писать тут невозможно (хотя краски со мной) так как я всё время на народе, уединиться некуда, да и в такой духоте вообще перестаёшь различать краски и тона. Однако кино-бред перевозжу успешно. Нас с Лидой (прокурором) объединяют занятия, – она готовится к экзаменам в аспирантуру, мы в послеобеденные часы занимаемся вместе на пляже и на нас смотрят все как на рехнувшихся, особенно из-за моей страшной книжки. Она всё-таки трудная, большие страницы в час никак нейдет; переведено предисловие, которое содержит манифест и credo¹⁸ автора, а сейчас делаю послесловие, так как там повторяются выводы из каждой главы; потом вы сможете сами определить, какая из глав потребуете вам целиком. Мне кажется, что больше одной-двух не нужно, там много чепухи, от которой я всякий раз краснею, когда пишу. Книжек никаких больше не читаю, не хватает умственных сил. В Москве буду 12-го. Получила чудесное письмо от Оськи – писано чернилами, а Катькина пятерня обведена

---

¹⁷ Вечный двигатель.

¹⁸ Убеждение; исповедание, символ веры.

карандашом и приписки от моих старух обеих – ужасно растрогалась! Ну, до скорой встречи, милый “пастельный” Витенька!

Ваша Катя».

В этом единственном из публикуемых писем есть свидетельство того, что Светлана занималась живописью: «Писать тут невозможно (хотя краски со мной) так как я всё время на народе, уединиться некуда, да и в такой духоте вообще перестаёшь различать краски и тона». В написанных Светланой книгах упоминания о её дружбе с кистями и красками не встречались. Вероятнее всего, из-за кочевой жизни набросков или картин, нарисованных для себя, не сохранилось. Быть может, эта вскользь оброненная в письме фраза поможет найти хотя бы некоторые из её работ?

Документальное свидетельство об увлечении живописью стоит в одном ряду с малоизвестным и пока неподтверждённым фактом занятия Светланой музыкой. Якобы в послевоенные годы по просьбе отца уроки игры на фортепиано ей давал великий пианист Эмиль Григорьевич Гилельс. Такие занятия были вполне реальными, тем более что Сталин высоко ценил талант всемирно известного мастера и был знаком с ним не понаслышке. Участие в концертах в Кремле во время хрущёвской борьбы с «культом личности» (и позже) ставили пианисту в укор как «любимчику» вождя. О том, как Э.Г. Гилельс «пользовался» любовью Сталина, по моему, красноречиво говорит отрывок из добротной книги профессора Российской академии музыки имени Гнесиных Г.Б. Гордона:

«После концерта в Кремле, на котором играл, он “пожаловался” самому Сталину: арестован его профессор, несправедливо, нельзя ли его освободить. (Речь шла о Г.Г. Нейгаузе. – Автор.) Сталин долго медлил с ответом, покуривая трубку, наконец, изрёк: “С этим вопросом больше ко мне не обращайся”. Это был приговор. Всё, никакой надежды.

Прошло несколько месяцев. Снова концерт в Кремле – в присутствии приехавшего в Москву Уинстона Черчилля. В этот вечер Сталин был в хорошем настроении – шутил, посмеивался... И Гилельс решился. Он подошёл к Сталину, рядом был Черчилль. Вдруг Сталин обнял Гилельса за талию и произнёс: “Вот, говорят, у Гитлера хорошо поставлена пропаганда... У Гитлера есть Геббельс, – у меня есть Гилельс!” Тут-то Гилельс и повторил свою просьбу. Сталин выслушал и подозвал Поскрёбышева: “Надо помочь человеку...” Всё было сделано незамедлительно. Никакие другие “ходы” не могли иметь такого действия»¹⁹.

Если такой мужественный и порядочный человек и в самом деле давал Светлане уроки музыки, то за неё остаётся только радоваться.

Ещё несколько слов о встрече Сталина с Черчиллем²⁰, о которой говорилось в приведённом отрывке из книги Г.Б. Гордона. Тогда же, перед застольем, Сталин представил Черчиллю свою шестнадцатилетнюю дочь.

Черчилль назвал её рыжеволосой красавицей. В один из приездов в Москву Сталин пригласил Черчилля к себе домой, и там гость увидел Светлану. Вот как пишет об этом Черчилль в своих мемуарах:

«Сталин показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре – столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин расставлял разные бутылки...»

---

¹⁹ Гордон Г. Эмиль Гилельс. За гранью мифа. М., 2007.

²⁰ Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.

«9. XI.52

С праздником вас, Витя! (лучше поздно...)

Ужасно вам сочувствую. Утешение одно только, что вы имеете возможность отоспаться, отдохнуть и почитать, – это вам полезно. Гроссман²¹ отложен был для вас – вот уже два дня.

У меня всё хорошо; ходила на демонстрацию с Оськой, потом в гости к Эдику и Этери, вчера смотрела “Октябрь”. Сегодня поеду куда собиралась, вместе с младенцами. Так что, жизнь прекрасна и удивительна!

Если возможно, позвоните мне как-нибудь, я по голосу сразу диагноз поставлю.

Желаю вам всяческого здоровья.

Катя».

Авиа

Крым, Мисхор

Санаторий «Красное Знамя»

«12. XI.52

Витя, советую, кроме Симонова²², прочитайте рассказ Антонова “Первая должность”²³ – очень славно написано. “Дипломат” тоже интересный, это я у К....²⁴ взяла.

Крепко жму руку заточника под стекляннным колпаком.

Катя».

«17. XI.52

Здравствуйте, Витенька!

Уж не знаю, полезны ли для вашего здоровья мои корреспонденции, но всё-таки хочется вам доложить, что я, где я. Знаете, уже привычка сложилась вам докладываться.

Прежде всего, о вашем состоянии я всё знаю. Ужасно огорчена тем что вам всё-таки было скверно. Мужайтесь! Я тоже тут мужаюсь изо всех сил, так как вы теперь где-то далеко от телефона. А у Маяковского есть стихи про телефон:

“Ясность. Прозрачайшей ясностью пытка:
В Мясницкой, деталью искуснейшей выточки,
Кабель – тонюсенький, – ну просто нитка!
И всё вот на этой вот держится ниточке...”

Здорово, верно?

Ну, что же вам рассказать?

Начать с “Октября”. Всё-таки, очень бледное повторение получилось вместо того материала, который мы уже видели в прекрасной художественной форме на экране. Не понравился мне Винников²⁵, очень нервно играл, может быть просто волновался. А Квачадзе²⁶ – ничего

---

²¹ Гроссман Василий Семёнович (1905–1964) – советский писатель. Речь, скорее всего, идёт о его романе «За правое дело», увидевшем свет в 1952 г.

²² Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, писатель, общественный деятель.

²³ Антонов Сергей Петрович (1915–1995) – советский писатель и сценарист. «Первая должность». Л., 1952. Главная тема писателя – деревня. В 1957 г. Станислав Ростоцкий поставил по сценарию С. Антонова кинофильм «Дело было в Пенькове». Главная роль стала первой знаменитой ролью Вячеслава Тихонова.

²⁴ Неразборчиво.

²⁵ Винников Павел Митрофанович (1912–1952), заслуженный артист РСФСР, с 1952 г. артист МХАТ им. Горького.

был, спокойный и даже приятный. В целом по-моему всё-таки спектакль получился второ-разрядный – хороший спектакль второго разряда. А нужно бы, конечно, на эту тему делать первый сорт. Как всегда, отрицательные персонажи ярче получились, это уже вечное зло какое-то.

На днях смотрела очень интересную вещь – “Три солдата” в театре киноактера. Впечатление двойственное. Чудесный сценарий, хорошо поставлено (для кино), хорошо играют милые, обаятельные актёры, в общем загубленный, неродившийся фильм. А как спектакль – всё-таки идёшь туда, как в театр и ждёшь театрального спектакля – как спектакль это немножко слабовато. И не потому что кто-то виноват в этом из коллектива, а просто оттого, что гибрид театра и кинематографа получается всегда каким-то кривобоким, вроде спектаклей, заснятых на киноплёнку – тоже ни то, ни сё. Разное нужно, разная совсем игра нужна. Вот на какие размышления это наводит. А непосредственное впечатление – очень приятное, вещь очень славная.

В Академии всё по-прежнему, если не считать того, что за неё всерьёз хочет взяться Михайлов²⁷, так что скоро нас будут громить. Недавно ругалась с Арфо, она болеет и потому злая ужасно, все старые обиды у неё обострились. Мне пришлось её не щадить и высказать ей ряд неприятных вещей о восточной дипломатии.

Детишки мои сейчас оба болеют, – Ося ещё не перестал кашлять, а Катька только начала. Я их лечу домашними средствами, на которые и уповаю.

Хожу часто заниматься в наш кабинет в АОН, там тихо, спокойно, за полдня можно хорошо и продуктивно позаниматься. Дома мешают звонки моих приятельниц, которые, как сговорились, все влюбляются и жаждут семейных революций – просто черт знает что! Несут свои исповеди ко мне, осточертели.

Прекрасное, тёплое, милое и хорошее у меня появилось – это Александра Ивановна²⁸. Она мне звонит часто. Пару раз мы пили кофе и болтали о всякой всячине. Очень хорошо. Удивительно хорошо. Не смейтесь! Я вижу – вы смеетесь! Вы ничего не понимаете.

Появилась новая интересная пьеса Якобсона²⁹».

ТЕЛЕГРАММА
ИЗ МОСКВЫ
ЛЕНИНГРАД
ГОСТИНИЦА ОБКОМА КПСС
«ЕСЛИ ВОЗМОЖНО ПРИЕЗЖАЙТЕ СКОРЕЕ ЕСЛИ СМОЖЕТЕ
ПОЗВОНИТЕ = КАТЯ»

ТЕЛЕГРАММА
ИЗ МОСКВЫ
ЛЕНИНГРАД
ГОСТИНИЦА ОБКОМА КПСС

---

²⁶ Квачадзе Валериан (1918–2006), артист кино, режиссёр, сценарист.

²⁷ Михайлов Николай Александрович (1906–1982). В 1952–1953 гг. секретарь ЦК КПСС.

²⁸ Александра Ивановна – мать Виктора.

²⁹ Якобсон Аугуст Михкелевич (1904–1963) – эстонский советский драматург, государственный и партийный деятель. В письме речь идёт о его пьесе «Шакалы», разоблачающей американский империализм, которая была напечатана в журнале «Дружба народов» в 1952 г.

*«НЕ СЕРДИТЕСЬ ТЧК БЕЗ ПОВОДА НЕ ТЕЛЕГРАФИРУЮТ ТЧК
ПРОСТИТЕ ДОСТАВЛЕННОЕ БЕСПОКОЙСТВО ТЧК ЖЕЛАЮ УСПЕШНОЙ
РАБОТЫ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ=КАТЯ».*

Ученическая тетрадь в линейку с полями на 12 листах. На обложке: 6.V.1953.

«Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя.
В отлива час не верь измене моря, —
Оно к земле воротится, любя».

А. Толстой³⁰.

«Дорогой мой Витя! Строгий мой друг! Не в порядке жалобы или просьб, или хныканья в жилетку решила я вам написать. Очень много пришлось мне – как и всем – пережить, вытерпеть, вынести за последнее время. Тяжёлый, холодный “март – апрель” в этом году у всех. И может быть – я увидела даже – не только мы с вами, а и многие другие люди за эту весну повзрослели, постарели, многое переоценили, пересмотрели, я думаю, что в эту весну многие неверные друзья расстались, вернее – поругались на всю жизнь, много мимолетных любвей разлетелось, много судеб человеческих сделало крутые повороты – слишком всколыхнулась вся жизнь. А в жизни всё как в едином клубке – и личное, и общественное, слишком много впечатлений человеку выпало, суровых, грустных и – я бы сказала – проверочных³¹.

Говорить вам устно то, что я хочу написать, я бы никогда не смогла просто оттого, что нельзя говорить час монолог; да и слишком много мы с вами говорили, и по правде говоря, говорить надоело это и мне, так же как и вам. Трудно это, устаешь от разговоров. А сегодня вот как-то окончить всё, что думалось мне за последний месяц, с пятого апреля и вижу, что всё-таки нужно сказать, нужно чтобы человек, которого считаешь другом, прочитал эти строки. Простите, если скажу вам что-либо неприятное, если опять растревожу раны, немного затянувшиеся – есть ведь и такой метод: поломанную руку, которая начала неверно срастаться, опять ломают, чтобы срасталась правильно, как это ни больно.

Видите ли, Витя, придётся начать издали, потому что жизнь как река течёт, перемежаются течения, холодные и тёплые, мутные и светлые, чистые, и никак не выхватишь куска из этого текущего потока, не остановится он, пока ты собираешься проанализировать и осмыслить этот кусок.

Так вот я о чём. О судьбах двух людей, судьбах, встретившихся, соединившихся какими-то неувидимыми нитями то – ли дружбы, то – ли любви, то – ли человеческой нежности и веры друг в друга, какого-то восхищения друг другом, судьбах, которые легли рядом, как лыжня, не пересекаясь. Это я про нас с вами.

Вот прошёл год нашей дружбы. Я имею в виду – до пятого апреля, об этом последнем месяце я скажу потом, это – другая эпоха в наших отношениях. Так что же был этот год? Сосчитайте до двадцати, чтобы не отвечать сразу, и я сделаю то же самое, и надо сказать, что не знаю я, может ли быть лучшей дружба двух людей, разных, очень разных, а вместе с тем и очень похожих. Разных – по возрасту, а значит и по опыту жизни, по способности верить чувству и впечатлениям с размаху, разных по степени доверия сердцу – сердцу своему и сердцу друга тоже, по способности увлекаться хорошим и забывать о плохом, по умению раз-

---

³⁰ Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – русский советский писатель и общественный деятель, «красный граф». В 1943 г. – член Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецких захватчиков в Великой Отечественной войне.

³¹ Речь идёт о смерти И.В. Сталина.

глядеть, что опасно и вредно. И очень разных в одном ещё: мало у вас веры в светлое в человеке – будь то друг ваш, мужчина, или женщина, которую вы любили; очень легко верите вы, что человек плох, и – с огромным трудом и со скрипом соглашаетесь увидеть доброе, тёплое, честное, искреннее, увидеть – и поверить, что оно есть, что оно – хорошо, что надо держаться обеими руками за это хорошее, помогать ему развернуться и расцвести. Вы вот и в себе – всё разглядываете главным образом не лучшее, что есть в вас – острый ум, энергию вашу, дух ваш комсомольский неистребимый, честность и искренность вашу, – нет, вы любите свой скептицизм одинокого человека, самое плохое, и, по-моему, единственное действительно плохое у вас. Хуже всего – страшнее всего – скептицизм, потому что он лишает веры, убивает порывы, гасит искренность и в конце концов – изолирует бедное сердце от друзей, от той, которая любит, и бедное сердце задыхается в этом жёстком наморднике. И знаете ещё что? Скептицизм мешает и в творчестве, сковывает мысль, заставляет по сто раз написать одно и то же без веры – что это хорошо, правильно – художник-скептик душил этим своё искусство, читайте “Моцарт и Сальери”, Пушкин это сказал уже, куда лучше, чем я...

Вот вы говорили как-то, что никогда в жизни не любили – я думаю, это тоже от скепсиса вам так кажется; не верю я, чтобы вы не любили! Чушь это! Вот тут мы с вами разные – а я каждый раз любила, и искренне, горячо, а потом – так же горячо и со страданиями выдёргивала из сердца проросшие корни, и не боюсь сказать это. Ошибалась и падала много раз в жизни, и пусть ещё упаду, а другой жизни не хочу. И старухой буду – всё равно буду с наивными глазами младенца увлекаться хорошими людьми, и любить их по-человечески, и разочаровываться, если уж так придётся.

Я не случайно сказала – скептицизм одинокого человека. Я думаю, что у вас это от одиночества. Большего зла, чем одиночество, трудно выдумать, это худшее из наказаний человеку не потому, что в одиночестве плохо – это даже удобно и спокойно – а потому, что оно портит, сушит, разъедает душу, уносит из сердца тепло – уносит маленькими частичками, незаметно, а потом вдруг неожиданно открывается потеря – сердце остыло; не зря талантливейший, умнейший, добрейший – и очень одинокий человек Маяковский писал о “страшнейшей из амортизаций, амортизации сердца и души”. Я думаю, зная вашу жизнь так, как вы её мне рассказывали, что этот ваш скепсис вырос после 1947 года, с тех пор, как вы остались один, без семьи, в любезной вашей “одноместной ракушке”. Как друг ваш, зная вас всё-таки, я думаю что, начиная с этого времени, вам жилось все холоднее и холоднее, и вы чувствовали сами, как скептицизм начинает постепенно замещать и вытеснять комсомольскую вашу восторженность. Вот что я думаю о вас, когда думаю о вашем плохом – вас жизнь ваша поломала и испортила именно в этом, в душе. Может быть, я просто меньше просила, меньше боролась, меньше видела, и потому всё ещё верую – но вот это и есть главное, что нам часто мешает друг друга понять и что ставит между нами непроходимые стены.

Ну а что же одинакового у этих двух разных людей? Ой, даже смешно, до чего же много одинакового! Ну, посмотрите с самого начала всю нашу дружбу, и вы увидите, как много раз сердца наши бились в такт, “синхронно”, как много раз мы могли слышать это биение, могли, потому что знали и чувствовали, что думаем одно и то же в этот момент. Ну, начать? Смотрите, как много раз!

Вот мы с вами сидим в театре Вахтангова, рядом, смотрим дурацкую пьесу, и слышим из неё только чеховские слова: “Будет ещё небо в алмазах!”

Вот мы гуляем по арбатским переулкам, ещё не успокоившись после чудесного фильма “Мечта”.

Ой, забыла! А на лыжах в лесу, шестого апреля 52 года, мы смотрим на первые весенние проблески голубого неба, на занесённые снегом ёлки, смотрим и стоим молча, а Алексей Степаныч³² ушёл вперед! А как мы сдавали вместе экзамен по философии – забыли вы?

А потом сидели мы с вами на скамеечке на Гог-буле³³, в тёплую летнюю ночь, посидим, а потом ходим по бульвару взад-вперед, десятки раз.

А потом сидим в Нескучном, смотрим на Москва-реку, на восьмерки, на золотое к вечеру небо.

А потом сидели в лодке на реке, над водой туман стелется, только наверху в синем небе горят звёздочки и тонкий месяц, да на берегу табун лошадей в ночном, тоже в тумане, – и тихо-тихо, и никуда больше не нужно, так бы и сидеть.

Да разве мы только сидим да смотрим!?

Мы не занимаемся почти вместе, во всяком случае, после дня занятий нельзя не позвонить друг другу и не спросить, что сделано, сколько пропущено, и разве сдавая экзамен по специальности, в школе, мы не вспоминали друг о друге? Потом мы с вами гуляем в Парке культуры – в гуще? Идём по ландышевой аллее, смотрим на скульптуры, даже когда милиционер сказал нам “уже поздно, молодые люди”, и тут, и в этот момент мы думаем с вами одно и то же, я уверена, – потому, хотя бы, что потом на аллее вы поцеловали меня так горячо и нежно, что это не могло быть случайностью...

И наверное, даже когда мы с вами сидели на берегах двух разных, далеких морей, то всё же иногда думали мы одно и то же, об одном и том же, одинаково, похоже, единой душою.

А помните, как “природа усыпала наш путь изгибами”, на опушке берёзовой роицы, в августесте? Вы поцеловали меня второй раз там, и опять, так горячо и нежно, что это не могло быть случайностью.

А помните Сокольники? Первый снежный день, когда всё было как в сказке, и мы с вами ходили, ходили, и никак не могли уехать? Разве не одинаково думали мы с вами, когда протягивали друг другу руку через маленький противо-инфекционный заборчик вокруг больничного корпуса?

А сколько раз гуляли мы с вами зимою потом по Москве, и вы один раз сказали мне, что “вы даже сами не знаете, как часто мне хочется то же, чего и вам”, хотя только перед этим мы с вами высказывали совершенно разные желания – мне хотелось быстрой скачки в санях, по морозцу, а вы сказали, что “мне – наоборот, хочется покоя и тепла”. И, право, мне в душе хотелось того же.

А помните, как мы ездили в лес на лыжах, как заблудились там, в просеках, как хорошо было вырваться из города в зимнюю, заснеженную природу. И на одной из просек мы стали рядом и вы поцеловали меня в третий раз, так горячо и нежно, что это не могло быть случайностью...

А помните, как под Новый год мы танцевали с вами в пустом зале, и как легко и свободно было, и вы сказали – “почему с вами так легко танцевать?” – и я тоже думала – почему? – да просто потому, что обоим нам было легко и хорошо друг с другом, потому что опять же сердца бились “синхронно”.

А когда мы ждали машину, уже под утро, и музыканты уходили домой – помните, они выходили из подъезда? – мы тоже думали одинаково, потому что я думала о том, как вы мне близки и дороги, а вы сказали мне, совершенно неожиданно для меня: “Милая моя, родная моя...”, а я даже не нашла, что вам сказать. Как красиво, как чудесно всё это было, Витюша, вы только вспомните!

---

³² «Дядька».

³³ Гоголевский бульвар.

А viva sapata?³⁴ Мой “максимальный” день рождения?

А всё, что было в марте?

Ведь я о вас думала не переставая, со второго по девятое марта³⁵, мысль эта была как звёздочка ночью, как крепкое плечо рядом, как глоток воды в зной – если бы не было у меня вас, друг мой славный, не знаю, так ли я выдержала бы всё, что было.

И из сотен глаз, с которыми я встретила в те дни в Колонном зале – ваши глаза были глазами родными, глазами, в которых была для меня жизнь, надежда, будущее – всё то, что, казалось, рухнуло и исчезло в те дни».

Светлана пишет о смерти отца. Чтобы передать обстановку в Доме Союзов во время прощания со Сталиным, я ненадолго прерву Светлану и расскажу о собственном впечатлении от увиденного 8 марта 1953 года. В тот день отец повёз нас с сестрой в Дом Союзов. Мне было тогда девять лет, но помню всё так, как будто это было вчера. Если Вы, читатель, вспомните какое-нибудь важное событие, когда были в таком же возрасте, то легко поймёте меня.

На служебном автобусе мы подъехали к шестому подъезду Дома Союзов со стороны Пушкинской улицы (теперь Большая Дмитровка). В зале приглушённо звучали траурные мелодии, было сумрачно. Воздух в зале от хвои венков был терпким и горьким. С правой стороны от возвышения, на котором был установлен гроб, стояло несколько рядов скреплённых между собой кресел с откидывающимися сиденьями, которые, как рассказывал мне потом отец, принесли из кинотеатра «Стереokino» (3D по-сегодняшнему), располагавшегося напротив Дома Союзов в здании гостиницы «Москва».

Перед креслами стояли обычные стулья, на которых сидели дети Сталина, их родственники и знакомые. За ними, в рядах, было много людей, но все сидели очень тихо, разговоров не было. Лишь иногда слышалось журчание жидкости, наливаемой в поминальные рюмки. Сиденья кресел были откидные, и я, пробравшись между рядами, сел почти рядом с военным в иностранной форме с золотыми листьями на отложном воротнике. В следующем ряду за нами в солдатской гимнастёрке без погон сидел плачущий Шолохов.

Отец оставил нас с сестрой. Сталин лежал совсем близко, освещённый ярким бело-голубым светом прожекторов, и поэтому казался излучающим необыкновенное серебряное сияние.

Когда настало время уходить, я неловко соскочил с сиденья, и оно с громким стуком встало в вертикальное положение. Я с опозданием придержал его и, извиняясь, посмотрел на военного. В этот момент он повернулся ко мне, мы встретились глазами. Тогда я первый раз в жизни увидел, как плачет взрослый мужчина. По щекам седого военного текли самые настоящие, большие блестящие слёзы. Поражённый, я застыл и стоял, пока меня дважды не окликнули.

Военный слегка кивнул мне головой, и я, наверное, только после его молчаливой команды закрыл рот и направился к выходу. Его слёзы произвели на меня ошеломляющее впечатление. Такое же неизгладимое, как спящий в гробу Сталин.

Полное ужасной скорби лицо плачущего военного я запомнил на всю жизнь. Его имя мне сказал отец. Моим соседом по траурной скамье был Маршал Советского Союза, а в то время ещё маршал и министр обороны Польши Константин Константинович Рокоссовский.

Слово Светлане.

«Да разве можно забыть это, Витя? Разве могу я зачеркнуть и стереть из памяти то, чем жила и живу сейчас?»

---

³⁴ Сорг сирени.

³⁵ 1953 г. Смерть и похороны И.В. Сталина.

Так почему же тогда, почему, отчего могло быть пятое апреля, день, который вы даже вырезали на дереве, чтобы лучше запомнить? (Замечу, что вы не вырезали ни одного из тех дней, когда нам с вами было хорошо...)

Будем говорить спокойно, ведь мы сосчитали до 20-ти, оба.

Конечно, случайностью этот день не был. Случайной получилась та форма, в которой я взбунтовалась против вас, и к этой случайной и грубой форме последним толчком была тоже, может быть, случайная причина, не в этом дело. Протест всё равно был бы, и бунт был бы против вас, может быть немного позже, но неизбежно. Понимаете, Витя, и вы и я, оба мы, попали в очень трудную полосу. Вы – в своём, я – в своём, и все люди, как я говорила уже – каждый по-своему, и обще, и по-разному. В такие дни наступает кризис и в человеческих отношениях. То, что я перенесла за март – не дай вам бог – я это говорю потому, что реакцией на всё это было для меня наступление дурной, мрачной полосы. И чем менее дороги стали мне в эти дни все остальные мои друзья и знакомые, тем дороже стали вы, ваша фигура выросла гиперболически, и заняла, может быть слишком большое место. Надо вам сказать, что я инстинктивно чувствовала, что мы с вами идём, как по краю пропасти, что нам обоим трудно. У меня была здоровая мысль, что может быть надо нам не встречаться какое-то время, потому что мне было страшно, что весь запас яда – которому и не вы виною – может когда угодно обрушиться на вас, потому просто, что ближе вас никого нет для меня. Та разница между нами, о которой я уже говорила, не раз заставляла меня чувствовать горечь, обиду, даже злобу на вас – из-за того, что мне было дико и непонятно как, зачем вы вот так безропотно и пассивно даёте разъесть себя вашему скептицизму, мне было дико, почему вы боитесь верить себе и своему чувству, зачем и меня все заставляете сомневаться в моих чувствах – я не собираюсь сейчас считать обиды, я хочу сказать, что и это выросло до гиперболических размеров в моём сознании, и отсюда – немудрено – что взрыв получился таким бурным и громким.

Ну, об этом хватит, это мы, кажется, уже с вами заслужили.

Теперь самое главное.

Кризис прошёл. Неудивительно, что он случился именно в эти дни; я думаю, что это говорит только о богатстве нашей с вами дружбы, потому что действительно нет ничего в жизни, что для нас с вами не было бы содержанием нашей дружбы, мы с вами не оставили места ни для чего, что бы не было как-то связано с дружбой, поэтому сейчас так тяжело.

Вы можете говорить мне сколько угодно о том, что у вас хорошее настроение и что вы прекрасно занимаетесь – я в это никогда не поверю. Слишком много было у нас общего, слишком много сломалось, и иметь хорошее настроение можно только назло самому себе.

Сейчас – струна какая-то лопнула, и у вас, и у меня – не скрою. Вы – я вижу, мой друг дорогой, хотите спастись покоем, работой, будь что будет, если восстановится потерянное – значит судьба, не восстановится – значит не судьба, значит и не было ничего настоящего, если так легко сломалось, значит вообще так тому и быть – вот что вы думаете. И хотите просидеть в вашей “ракушке” какое-то время, после которого будет видно, восстановилось или не восстановилось, пришло опять или не пришло, вернулось всё чудесное, что было, или не вернется. Так? Так. Так вы думаете.

Так вот, чтобы вы знали, что я думаю обо всём этом – я могу сказать об этом несчастье, об этой горе, свалившемся на нас с вами – чтобы вы знали, я и пишу вам. Пишу, потому что говорить всё это у меня сил нету, я не Геракл, а обыкновенная женщина с довольно истрёпанными нервишками.

У Блока есть стихи об интеллигентах:

*“Что делать? Изверившись в счастье
от смеха мы сходим с ума,*

и пьяные, с улицы смотрим
как рушатся наши дома”.

Это очень хороший образ – люди стоят на улице, смотрят как их дом покачнулся, дал трещину, грозит разрушиться – а они смотрят, и вместо того, чтобы войти внутрь, найти, где трещина, что надо починить, где поставить подпорку, вместо этого смотрят с улицы, смеясь тем самым проклятым скептическим смехом, который... ну и так далее, тут можно вспомнить и стихи Брюсова, и статьи Горького после революции 1905 года – всё это написано против интеллигентского индивидуализма, скепсиса, неверия, и т. д.

Да разве вы такой, Витя?

Да нет же, милый, да загляните вы в свою душу – а не на портрет, где собраны все ваши недостатки, которые вы усиленно выдаёте за себя – вы ведь сильный, мужественный, жизнерадостный человек, вам бы не только свой дом зараз починить, да и другим помочь сил хватит!

Ну, а я думаю вот что. Конечно, дружбе нашей с вами, и нашей любви (позволю себе назвать вещи своими именами), много достанется, и кто знает, какие ещё будут испытания. Но я верю, что этот дом слишком крепок и стоит на прочном фундаменте, для того, чтобы так легко было его разрушить. Только надо ведь следить за ним изнутри, голубчик, не надо допускать трещин, пусть маленьких. Отношения человеческие, как деревце – надо ухаживать за ним, поливать, снимать вредителей – а не смотреть со стороны: начнёт сохнуть или не начнёт? Деревце – как ваша сирень сорта viva sapata. Вот эта сиренька стоит сейчас у меня на балконе и пьёт весенний дождь; а когда на улице было ещё холодно, я ей устраивала душ в ванной. Она и зеленеет, и ещё зацветет...

Знаете, милый мой друг, я в жизни своей тоже немало хорошего разрушила по своей вине. И за пятое апреля я беру вину целиком на себя. Но я верю, что двое друзей, связанных не недельным знакомством, испытавшие вместе, бок о бок, и столько хорошего, и столько же трудностей, станут друзьями ещё более честными, преданными, взыскательными друг к другу и к себе. Мы тратили много энергии ума на анализирование недостатков друг друга – давайте затратим хотя бы часть этой силы на осознание того, как нужны мы друг другу.

Верно, Витя, мы с вами ещё очень пригодимся друг другу, и я – вам, и вы – мне, много сделаем хорошего и радостного – ещё больше, чем было за год нашей дружбы. Взаимная помощь наша нужна друг другу, и, верьте, ваша суровая, и подчас слишком жестокая дружба ко мне даёт мне всё-таки очень много сил и счастья. И не с точки зрения жалости ко мне подумайте вы о том, что мы друг другу нужны ещё будем – а с той точки зрения, что не зря и не случайно встретились наши с вами судьбы, что несмотря на все трудности и помехи всё-таки созданы мы с вами друг для друга, и пренебрегать этим, выбрасывать это лучшее, что есть на земле, для двух взрослых, и всё-таки уже немало видевших людей – просто непростительное преступление. Нелегко было строить – не надо давать разрушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.